

Ольга Александровна Устюгова¹

ustyugova75@mail.ru

ПУШНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.К. АРСЕНЬЕВА

В целом ряде своих трудов В.К. Арсеньев затрагивал вопросы развития пушной торговли на Дальнем Востоке России в XIX — начале XX в. На основе расспросных данных, проверяемых перекрёстным путём, а также личных наблюдений, обобщённых в путевых дневниках, которые он вёл во время путешествий и служебных поездок, исследователь подробно рассмотрел как организацию пушного промысла, так и способы реализации меха соболя, которым был наиболее богат Уссурийский край. В.К. Арсеньев отмечал, что в течение долгого времени практиковался меновый способ торговли: меха обменивали на товары первой необходимости, продовольствие, спирт, табак и предметы роскоши, лишь в 1910 г. охотники начали продавать соболей за наличные деньги. Исследователь пришёл к выводу о том, что скупка пушнины в Уссурийском крае находилась преимущественно в руках китайцев: мелкие скупщики пушнины в тайге покупали у коренного населения меха, а затем перепродавали отправлявшим их за границу крупным торговым, преимущественно китайским, фирмам во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. В своих исследованиях В.К. Арсеньев расширил представления современников о масштабах китайского влияния на экономику российского Дальнего Востока и предложил ряд мер по борьбе с ним.

Ключевые слова: Дальний Восток России, В.К. Арсеньев, китайцы, коренные народы Дальнего Востока России, охота, пушная торговля.

Ol'ga A. Ustyugova¹

ustyugova75@mail.ru

FUR TRADE IN THE RUSSIAN FAR EAST IN V.K. ARSENIIEV'S RESEARCH

In a number of his works, V.K. Arseniev touched upon the development of fur trade in the Russian Far East in the 19th — early 20th centuries. On the basis of cross-checked survey data, as well as personal observations summarized in the diaries, which he kept during his travels and business trips, the researcher

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

considered in detail both the organization of the fur trade, and the ways of selling sable furs in the Ussuri Region. V.K. Arseniev noted that for a long time in trade the barter was used; furs were exchanged for essential goods, food, alcohol, tobacco and luxuries, only in 1910 hunters began to sell sables for cash. The researcher concluded that the Chinese dominated the fur trade in the Ussuri Region: small buyers in the taiga bought furs from the indigenous population and then resold them to large, mostly Chinese, firms in Vladivostok, Nikolsk-Ussuriisk and Khabarovsk that sent them abroad. In his studies, V.K. Arseniev expanded the ideas of contemporaries about the scale of Chinese influence on the economy of the Russian Far East and proposed a number of measures to combat it.

Keywords: Russian Far East, V.K. Arseniev, Chinese, indigenous peoples of the Russian Far East, hunting, fur trade.

В целом ряде своих исследований [1; 2; 3; 4] В.К. Арсеньев затрагивал вопросы развития пушной торговли на российском Дальнем Востоке. Центральная часть горной области Сихотэ-Алиня являлась своеобразным естественным питомником пушных зверей, а Уссурийский край, по территории которого часто путешествовал В.К. Арсеньев, был наиболее богат соболем [4, с. 177]. Торговля соболями в Уссурийском крае имела давнюю историю. До знакомства с русскими и китайцами специально охотой на соболя гольды, орочи и удэгейцы не занимались и убивали только случайно попадавших в их ловушки животных, мех которых использовался для личных нужд — на головные уборы, наушники, рукавицы и т.д. В то время больше ценили мех россомахи, поэтому соболей было много: по рассказам стариков, в середине XIX в. опытный охотник мог без особого труда поймать за зиму более 150 соболей. В начале XIX в. с появлением в крае китайцев, у которых соболиный мех пользовался большим спросом, инородцы стали добывать больше соболей [1, с. 7—9; 4, с. 160—161].

К 1914 г. приблизительно 60% соболей в Уссурийском крае добывались китайцами, около 40% — инородцами, незначительное количество — русскими [2, с. 14]. Охотой на соболя особенно активно занимались приезжавшие в край китайцы. По подсчётам В.К. Арсеньева, в Уссурийском крае находилось 2000—2500 зверовых фанз [2, с. 102]. Если считать, что каждый китаец-охотник в год ловил 1—2 соболей, т.е. столько же, сколько русские и инородцы, то общая ежегодная добыча составляла от 10 до 12 тыс. шкурок. По убеждению исследователя, основанному на его близком

знакомстве с китайцами на местах лова, эти данные занижены: на самом деле китайские охотники ловили больше — по 3—4 соболя [2, с. 103; 4, с. 176—177]. В зверовых фанзах в тайге постоянно проживало около тысячи китайцев, а во время соболевания осенью и зимой — по крайней мере в 10 раз больше. Так, по словам китайского скупщика пушнины из Уссурийского края Чан Фа-дуна, охотой на соболя в тайге на русской территории в период с 1895 по 1906 г. занимались не менее 12 тыс. чел. [4, с. 175]. По вычислениям В.К. Арсеньева, русских охотников в крае было очень мало: если предположить, что соболеванием занимается половина из 1407 душ мужского пола по всем уездам и каждый из них поймает в год 2—3 соболя (норма за последнее пятилетие), то их добыча составит 1500—2000 шкурок [4, с. 173].

Скупщики пушнины селились недалеко от мест проживания инородцев: в южной части побережья — китайцы, к северу от р. Нахтоху и около Императорской Гавани — русские [3, с. 244]. Главными организаторами пушного дела в Уссурийском крае являлись крупные китайские торговые фирмы во Владивостоке, Никольске-Уссурийском и Хабаровске. Их агенты — цай-дуны («хозяева реки — кредиторы») — располагались в тех пунктах, где группировались инородцы и откуда было удобно снаряжать соболёвщиков на охоту [2, с. 91]. Цай-дуны строили склады и торговали в низовьях р. Иман, Бикин, Хор, Ното, в урочище Анучино, с. Владимиро-Александровском на р. Сучан и в poste Св. Ольги. На Амуре склады цай-дунов находились вблизи гольдских стойбищ Да (р. Пихца), Найхин и Дондон (р. Анюй) и при устье р. Хунгари [2, с. 91]. Китайцы фактически разделили всю территорию Южно-Уссурийского края на участки по долинам рек, каждым из которых управлял свой цай-дун. Все орочи и тазы были обязаны делать закупки только у него одного по установленной им цене и сдавать ему за долги всю пушнину, продажа на сторону жёстко наказывалась [3, с. 180—181]. Обычно меха выменивались на товары и предметы первой необходимости (железные котлы, копья, ножи, топоры, фитильные ружья, порох, свинец), роскоши (шёлковые ткани, фарфоровая посуда, серьги, браслеты, медные украшения, нашиваемые на одежду), продовольствие (мука, рис, чумиза, бобовое масло), а также на спирт и табак. Такой меновой способ торговли практиковался в течение довольно продолжительного времени, лишь в 1910 г. инородцы кое-где начали продавать соболей за наличные деньги [1, с. 8].

Хотя и по высокой цене, скупщики снабжали охотников всем необходимым, стараясь вести дело так, чтобы инородцы влезли в долги, а вся их пушнина перешла в руки кредитора на его условиях. Оружие и патроны им продавали по цене, в три-четыре раза превышавшей магазинную, поскольку зачастую скупщики, не имевшие разрешений на приобретение оружия и огнестрельных припасов, тоже покупали их по завышенной цене [3, с. 244—245]. Также цай-дуны снабжали своих приказчиков запасами продовольствия и отправляли их в дальние инородческие стойбища, а те, в свою очередь, снаряжали китайцев и посылали их в тайгу на охоту. Вся добытая ими пушнина поступала к китайским купцам во Владивосток или Хабаровск, а затем в Китай [2, с. 92]. По словам китайцев, звероловство в Уссурийском крае давало им возможность в короткие сроки скопить столько денег, чтобы по возвращении на родину жить безбедно [3, с. 184]. К 1914 г. на местах китайских поселений появились русские деревни, а многие цай-дуны вынуждены были прекратить свою деятельность и уехать на родину [2, с. 91].

По словам В.К. Арсеньева, первоначально китайцы эксплуатировали инородцев. Так, скупая соболей, они платили инородцам номинально, т.е. никогда не выдавали деньги на руки, а списывали их с общей суммы долга, выдавая в кредит новый товар по такой расценке, которая с лихвой окупала затраты на покупку пушнины [1, с. 17]. Иногда охотников подпаивали и обыгрывали в карты и в кости, а если туземец отказывался, то записку с его именем сжигали на костре. «По поверью туземцев сжигание имени живого человека грозит ему смертельной опасностью; к этому ещё присоединялся страх перед непонятными иероглифами, — и тогда упрямый охотник становился сговорчивее». Со временем такие практики отошли в область преданий, а инородцы стали вести себя хитрее. Так, например, теперь они никогда уже не говорили, сколько соболей им удалось поймать [1, с. 17]. Уплачивая долги скупщикам пушнины, они отдавали им худших соболей, а двух или трёх лучших старались спрятать, чтобы потом продать их где-нибудь на стороне. Охотники старались набрать в долг побольше, тянули время, рассчитывая продать кредитору, который хотел поскорее рассчитаться с обанкротившимся должником, соболей похуже и по высокой цене [1, с. 18; 3, с. 247]. «Туземец привык, что его обманывают на каждом шагу, и поэтому такой невинный обман с его стороны

является единственным средством борьбы с хищниками-торгашами. Если он не будет так поступать, то умрёт с голоду» [1, с. 18].

Всю территорию Уссурийского края китайцы разделили между собой так, чтобы не мешать друг другу: не было случая, чтобы один скупщик соболей торговал в районе другого. Поскольку один китаец из года в год посещал одних и тех же охотников, он приобретал среди них друзей и старался быть им необходимым [1, с. 21]. Когда он приезжал к инородцам, живущим далеко в горах, он угощал их спиртом и делал им небольшие подарки: маленькие складные зеркала, перочинные ножи, бусы, шёлк для вышивания, портсигары, табакерки, трубки, иголки, напёрстки, ножницы бисер, серьги, кольца, браслеты и сладости. «Без подарков нечего к туземцам и ездить, и никакой скупки пушнины произвести нельзя. В этом случае о спаивании туземцев говорить не приходится уже потому, что большого количества спирта привезти, за дальностью расстояния, невозможно» [1, с. 18]. Китаец осторожно расспрашивал об охоте и узнавал, сколько поймано соболей, а затем обходил все юрты, осматривал, оценивал и собирал пушнину, спрашивал, что привезти охотникам в следующем году. Китайцы перестали гнаться за большой прибылью, а инородцы, зная об этом, не торговались [1, с. 19].

Часть скупщиков, в том числе русских, снабжала охотников оружием, огнестрельными припасами, продовольствием и предметами первой необходимости в кредит в течение целого года и только один раз, в конце зимы или ранней весной, отправлялась к своим должникам для сбора пушнины. Инородцы могли уплачивать долги и деньгами, продавая соболей на сторону, но практически не делали этого, так как боялись отдавать меха случайно заехавшему к ним скупщику из опасения продешевить и потерять доверие своего кредитора [1, с. 12—13].

Другие скупщики покупали меха в тайге за наличные деньги, при этом стараясь убедить охотников, что в городах — Владивостоке и Хабаровске — цена на соболей упала, придумывали и причины снижения цен, порой настолько наивные, что в них могли поверить только простодушные инородцы. «Иногда они объясняют, что новая мода требует соболей светлых, и потому тёмные не в цене, и нарочно за плохого соболя дают большие деньги. Весть о новой расценке быстро распространяется в тайге. Этого только и надо скупщику пушнины. Потеряв в одном месте несколько десятков рублей, он в других местах навёрстывает

потерянное сторицей» [1, с. 11]. Скупщики часто брали соболей в кредит, не улавливаясь о цене, а продав их в городе, выставляли ту цену, которую считали выгодной. Так, в 1906 г. старообрядец Леонтий Бортников с р. Амгу собрал у местных охотников соболей на 4 тыс. руб., а продал их в городе за 7 тыс. руб. В некоторых случаях, если скупщику не удавалось выгодно продать соболей, он возвращал их хозяину, а сделка считалась несостоявшейся [1, с. 11—12].

Мелкие скупщики пушнины на свой страх и риск скупали её за свой счёт у местного населения, а затем перепродавали более крупным скупщикам и торговым фирмам во Владивостоке или Хабаровске. Иногда крупные городские скупщики сами приезжали к мелким, чтобы с выгодой для себя получить товар из первых рук [1, с. 11, 13]. В.К. Арсеньеву часто приходилось наблюдать, как скупщики торгуются между собой. «Мелкий скупщик, спрятав с десяток лучших соболей, показывает крупному скупщику пушнины, приехавшему из города, все остальные шкурки. Как та, так и другая сторона жестоко торгуются. Наконец, сделка заключена, соболя приобретены и деньги приняты. Тогда мелкий скупщик вынимает спрятанных соболей. Покупщик теперь поставлен в такое положение, что он должен приобрести и эту вторую партию, ибо без неё первая является обесцененной. Чтобы лучшие соболя не попали в руки конкурента, он должен их иметь, хотя бы и по дорогой цене. Само собой разумеется, что мелкий скупщик пользуется безвыходным положением горожанина и запрашивает втридорога. При такой системе он иногда выигрывает 50% более того, что мог бы получить, если бы предъявил к торгам сразу всю партию» [1, с. 13].

Люди, бывавшие по делам службы или случайно в тайге и доброжелательно настроенные к инородцам, неоднократно убеждали их самостоятельно продавать пушнину в городе без участия посредников, чтобы, уплатив долги кредиторам, закупить всё необходимое на год вперёд. Однако, как отмечал исследователь, не всё было так просто. Во-первых, на территории Уссурийского края все китайские торговцы объединились в общества взаимопомощи и торговые общества, которые существовали во всех более или менее крупных населённых пунктах, где были их лавки, — в poste Св. Ольги, на р. Сучан, в Шкотове, Посьете, Барабаше, Новокиевске, Черниговке, Спасском, Лутковке, на р. Иман, в Анучине и т.д. Эти общества держали в своих руках всё инородческое

население, всю торговлю и устанавливали цены на все предметы первой необходимости и продукцию звериного промысла. Во-вторых, инородцы плохо ориентировались в городах, не знали, где поселиться, а единственными их знакомыми были те же самые китайцы-скупщики [1, с. 21—22; 2, с. 191—192].

В.К. Арсеньев сообщает о трёх неудачных попытках инородцев продать свои меха самостоятельно. В первый раз по прибытии в город на пристани их встретили китайцы и поселили у себя, а за ужином уговорили подвыпивших охотников продать им соболей за полцены и вместо хороших товаров снабдили их низкокачественными, нажив на этой операции 100% прибыли [1, с. 22]. Во второй раз инородцы остановились в какой-то харчевне на окраине города, где их просто обокрали. В третий раз (в 1909 г.) один китаец — скупщик мехов в северной части Ольгинского района, считавший местных инородцев своими поставщиками, узнав о том, что они решили продать соболей без его участия, сообщил об этом китайским купцам в городе, которым он сам обычно доставлял скупленные меха. Купцы сообщили китайским агентам, бывшим в то время на службе у владивостокской городской полиции, о том, что привезённые соболиные меха — якобы краденые. Охотников арестовали, а затем освободили, но пушнину задержали до выяснения её происхождения. Инородцы испугались и убежали, бросив свою добычу, а сородичам сообщили, что в город ездить нельзя, поскольку там хозяйничают китайцы, поэтому следует сдавать им пушнину на месте, как и раньше [1, с. 22—23].

Постепенно происходило истощение соболиного промысла. Как отмечал исследователь, расхищая свои природные богатства и сдавая меха за бесценок купцам, сами инородцы не разбогатели, а площадь обитания соболя стала быстро сокращаться: если в 1891 г. опытный охотник мог добыть 97 соболей, то в 1909 г. — только 9 [1, с. 9; 4, с. 161]. Незадолго до Первой мировой войны поднимался вопрос о прекращении выдачи китайцам и корейцам промысловых свидетельств на право скупки пушнины у туземцев, поскольку они являлись главными пособниками браконьеров, снабжая их всем необходимым для незаконного промысла, эксплуатировали инородцев и организовывали утечку пушнины за границу [1, с. 23]. В 1910—1912 гг. в таёжные районы были отправлены отряды лесной стражи для выселения китайских браконьеров-соболевщиков и уничтожения их зверовых фанз [1, с. 23]. В 1913 г. китайские охотничьи организации перестали существовать,

многие китайцы оставили свои заимки и вернулись на родину, однако во время Первой мировой войны, с 1914 по 1917 г., число китайских соболёвщиков снова возросло [4, с. 177].

В 1912 г. был издан закон, запрещающий охотиться на соболя в течение трёх лет, чтобы зверь восстановил свою популяцию. Лица, которые ко дню опубликования закона имели на руках соболиные шкурки, добытые в предыдущие годы, должны были явиться в канцелярию ближайшей лесной администрации для наложения на них печатей. Коренные народы не имели других средств к существованию, кроме охоты, а скупщики пушнины уговаривали их не обращать внимания на запрет и не бросать промысел. Китайцы воспользовались беспомощным положением инородцев, которые не могли продать меха русским, и понизили цены, мотивируя это риском приобретения незаконно добытой пушнины и её конфискации во время прохода через русские селения, где возможны обыски и задержания лесной стражей. Таким образом, запрет охоты на соболя без обеспечения местного населения продовольствием привёл к тому, что соболей стали ловить вдвое больше, чтобы заработать ту же сумму денег, которую получали до издания закона. Китайцы, скупив шкурки почти за бесценок, пробирались в Маньчжурию, минуя таможенные посты и обходя деревни. Таким образом, почти всех добытых соболей вывезли в Китай, только ничтожный их процент остался в крае [1, с. 9—10].

Во время Гражданской войны, когда произошло обесценивание русских денежных знаков, в цене стали подниматься не только золото и серебро, но и пушнина: всем казалось, что меха имеют значение валюты [1, с. 23]. Особенно большие проценты получали скупщики пушнины до 1920 г., когда в обращении находились сибирские денежные знаки, ценность которых стремительно снижалась. Приобретённая задёшево пушнина продавалась за валюту по очень высокой цене. Повышенный спрос на соболиные шкурки привёл к тому, что цены на них в иенах и американских долларах поднялись втрое по сравнению с довоенными, однако в 1921 г. спрос на соболя упал, и он начал стремительно дешеветь. Опытные скупщики пушнины постарались распродать её, а спекулянты, впервые купившие меха и не знакомые с положением мехового рынка в Америке и на Дальнем Востоке, разорились [1, с. 12, 24].

Итак, В.К. Арсеньев на основе расспросных данных, проверяемых перекрёстным путём, а также личных наблюдений,

обобщённых в путевых дневниках, которые он вёл во время путешествий и служебных поездок, подробно рассмотрел организацию пушного промысла и механизм реализации соболиного меха от мелких скупщиков до крупных — торговых фирм и их агентов, — от которых она поступала на заграничные рынки. Исследователь пришёл к выводу о том, что скупка пушнины в Уссурийском крае находилась преимущественно в руках китайцев, углубив представления современников о масштабах китайского влияния на экономику российского Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. За соболями. Скупщики пушнины на Дальнем Востоке. Владивосток: Книжное дело, 1925. 31 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: очерк историческо-этнографический. Хабаровск: Тип. Канцелярии Приамур. ген.-губернатора, 1914. 204 с. (Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества Т. X. Вып. I).
3. Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901—1911 гг. Хабаровск: Тип. штаба Приамурского военного округа, 1912. 324 с.
4. Арсеньев В.К. Соболю и способы охоты на него в Уссурийском крае // Арсеньев В.К. Сочинения. Т. VI. Владивосток: Примиздат, 1949. С. 153—177.

REFERENCES

1. Arsen'ev V.K. *Za sobolyami. Skupshchiki pushniny na Dal'nem Vostoke* [For Sables. Fur Buyers in the Far East]. Vladivostok, Knizhnoe delo Publ., 1925, 31 p. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. *Kitaytsy v Ussuriyskom krae: ocherk istoricheskoy-etnograficheskoy* [The Chinese in the Ussuri Region: An Essay of the Historical-ethnographic]. Khabarovsk, Tip. Kantselyarii Priamur. gen.-gubernatora Publ., 1914, 204 p. (Zapiski Priamurskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. X. Vyp. I [Notes of the Amur Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 10. Iss. 1]). (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Kratkiy voenno-geograficheskoy i voenno-statisticheskoy ocherk Ussuriyskogo kraya 1901—1911 gg.* [A Brief Military-Geographical and Military-Statistical Overview of the Ussuri Region 1901—1911]. Khabarovsk, Tip. shtaba Priamurskogo voennogo okruga Publ., 1912, 324 p. (In Russ.)
4. Arsen'ev V.K. *Sobol' i sposoby okhoty na nego v Ussuriyskom krae* [Sable and Hunting for It in the Ussuri Region]. Arsen'ev V.K. *Sochineniya. T. VI.* [Works. Vol. 6]. Vladivostok, Primizdat Publ., 1949, pp. 153—177. (In Russ.)